

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова

СОВРЕМЕННЫЕ
ИНФОРМАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ
И ПРАВО

Труды Юридического факультета

КНИГА 15

УДК 004+342.9
ББК 67.401.114
С56

Редакционная коллегия:

председатель редакционной коллегии
декан Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
член-корреспондент Российской академии образования, заслуженный
деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф. А. К. Голиченков;

члены редакционной коллегии:
Н. В. Козлова (заместитель председателя), Е. А. Абросимова, С. А. Авакьян,
Л. В. Головкин, Е. П. Губин, М. Ф. Ивлиева, А. С. Исполинов, А. А. Кармолицкий,
А. М. Куренной, Е. Б. Лаутс (ответственный секретарь), М. Н. Марченко,
С. В. Романов, Е. А. Суханов, Т. И. Тарасова, В. А. Томсинов, М. К. Треушников;

ответственный редактор книги пятнадцатой
канд. юрид. наук, доцент Юридического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова Е. Б. Лаутс.

Рецензенты:

Ершова Инна Владимировна, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации;

Егорова Мария Александровна, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя Исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России.

С56 **Современные информационные технологии и право** : монография / А. С. Ворожечич, Е. В. Зайченко, Е. Е. Кирсанова и др. ; отв. ред. Е. Б. Лаутс ; Моск. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Юрид. ф-т. — Москва : Статут, 2019. — 288 с. — (Труды Юридического факультета : кн. 15).

ISBN 978-5-8354-1578-6 (в пер.)

Настоящая монография продолжает серию «Труды Юридического факультета». Она посвящена анализу состояния и поиску решения проблем, связанных с правовым обеспечением развития цифровой экономики, внедрением современных информационных технологий во все сферы общественной жизни. Издание содержит научные статьи, комментарии нового законодательства, регламентирующего использование цифровых технологий в экономике и социальной сфере, методические материалы по применению инновационных методов и технических средств обучения в юридическом образовании.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, а также для руководителей, предпринимателей и других практических работников, интересующихся новыми тенденциями в правовом регулировании информационных технологий и правовом обеспечении цифровой экономики.

УДК 004+342.9
ББК 67.401.114

ISBN 978-5-8354-1578-6

*Электронные издания можно приобрести
в интернет-магазине statut-digital.ru*

© Коллектив авторов, 2019
© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2019

Содержание

Список сокращений.....	7
Вступительное слово декана Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова профессора А. К. Голиченкова.....	9
ОТДЕЛ I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ	
<i>Вайпан В. А.</i> Право и цифровая экономика	11
<i>Северин В. А.</i> Роль юристов в реализации программы «Цифровая экономика России»	31
<i>Куренной А. М., Костян И. А.</i> Цифровая экономика и трудовые отношения (проблемы введения электронного документооборота).....	55
<i>Харитонова Ю. С.</i> Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта	68
<i>Козлова Н. В., Ворожеевич А. С.</i> Антимонопольное регулирование цифровых рынков и право интеллектуальной собственности	83
<i>Овчарова Е. В.</i> Современные информационные технологии в финансовом контроле	96
<i>Ткачев А. В.</i> «Цифровая» криминалистика.....	111
<i>Малютин Н. С.</i> Роль информационных технологий в развитии конституционного судопроизводства в Российской Федерации: реальность и перспективы	122
<i>Зайченко Е. В.</i> Информационные технологии и обеспечение прав участников гражданского судопроизводства	135
<i>Саженов А. В.</i> Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей	157
<i>Кирсанова Е. Е.</i> Правовой режим нейросетей в условиях цифровой экономики.....	180
<i>Уали Е. З.</i> О некоторых вопросах правового регулирования цифровой экономики: опыт России и Казахстана	189

ОТДЕЛ II. НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ

Ворожевич А. С.

Исключительные права в цифровой сфере:
объекты, границы, пределы осуществления
(комментарий законодательства) 208

ОТДЕЛ III. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Абросимова Е. А., Дранжевский М. Д.

Новые технологии в юридическом образовании:
методика преподавания интерактивного курса
«Основы юридического консультирования» 234

ОТДЕЛ IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ФАКУЛЬТЕТА

Кафедральные и факультетские конференции
по проблемам правового обеспечения современных
информационных технологий 266

ОТДЕЛ I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Виктор Алексеевич Вайпан,
*доктор юридических наук,
проректор МГУ имени М. В. Ломоносова,
доцент кафедры предпринимательского права
Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
Почетный юрист города Москвы
info@jusinf.ru*

Право и цифровая экономика

В статье сформулированы основные положения концепции правового регулирования цифровой экономики. Анализируется программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Предлагаются концептуальные изменения в законодательство в целях создания комфортной правовой среды для цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, искусственный интеллект, роботы, Интернет вещей, криптовалюта, информация, цифровой гражданский оборот, антимонопольное законодательство, интеллектуальная собственность, финансовый рынок, идентификация, система распределенного реестра (блокчейн), электронная подпись, данные, социальная справедливость.

Viktor A. Vaypan
*Vice Rector of the Lomonosov Moscow State University (MSU)
Associate Professor of the Department of Entrepreneurial Law of Law faculty
at Moscow state University named after M. V. Lomonosov (MSU),
Honored Lawyer of Moscow
Candidate of Legal Sciences*

Law and digital economy

The article formulates the main provisions of the concept of legal regulation of the digital economy. The Program «Digital economy of the Russian Federation» is analyzed. Conceptual changes to the legislation are proposed in order to create a comfortable legal environment for the digital economy.

Key words: the digital economy, artificial intelligence, robots, the Internet of things, digital currency, information, digital circulation, antimonopoly

legislation, intellectual property, financial market, identification, a system of distributed register (blockchain), electronic signature, data, social justice.

В современном обществе происходит активная трансформация экономических отношений в цифровую форму. Это породило острую необходимость закрепления в праве новых моделей экономического поведения, что требует научного осмысления происходящих процессов, выработки предложений по перенастройке правовой системы. Не удивительно, что юридическую литературу захлестнул поток публикаций, посвященных различным аспектам правового регулирования зарождающейся цифровой экономики.

Цифровую экономику принято рассматривать как **систему экономических отношений, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех ее сферах**. Цифровую экономику нередко именуют электронной, сетевой, вэб- или интернет-экономикой, в которой хозяйственная деятельность осуществляется с помощью электронных или цифровых технологий¹. При этом акцент делается не на использовании программного обеспечения, а на товарах, услугах и сервисах, реализуемых посредством электронного бизнеса, электронной коммерции.

Идея формулирования электронной (цифровой) экономики зародилась в конце XX в. В 1995 г. американский информатик **Николас Негропonte** в своей книге *«Being Digital»* («**Цифровое существование**», перевод мой. — В. В.) сформулировал **концепцию электронной экономики**, основанной на переходе человечества в своей хозяйственной деятельности от обработки атомов (аналоговой деятельности) к обработке электронных битов (цифровому взаимодействию)². По сравнению с традиционным рынком классических товаров и услуг преимущества новой экономики основаны на отсутствии веса товаров, виртуальности хозяйственных связей, значительном уменьшении потребностей в сырье, ненужности громоздкой транспортной инфраструктуры,

---

¹ См., например, следующие определения: «Цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме» (программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р (далее — программа «Цифровая экономика»). Документ утратил силу 12.02.2019); «сетевая экономика — хозяйственная деятельность, осуществляемая с помощью электронных сетей (цифровых телекоммуникаций)» (Сайт «Служба тематических толковых словарей». URL: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RRlylg9!_qutusoqg (дата обращения 15.06.2019)).

² *Negroponte N. Being Digital. New York: Alfred A. Knopf, 1995. 243 p.*

возможностях быстрых глобальных перемещений, использовании новых цифровых валют и т.п. Конечно, представить в деталях, как будет развиваться новая экономика и будет ли она революционной альтернативой традиционной экономике, сейчас весьма сложно. Тем не менее необходимо выявление общественных закономерностей формирующихся цифровых экономических отношений и их надлежащее юридическое оформление, что будет в том числе обеспечивать реализацию принципа социальной справедливости на современной ступени развития цифровой рыночной экономики¹.

История зарождения цифровой рыночной экономики и ее основные черты

Первые заметные признаки рыночных отношений в Западной Европе появились в XIV–XV в.² Вместе с тем лишь в результате промышленной революции, именуемой как **Первая промышленная революция, или Великая индустриальная революция** (XVIII–XIX в.), человеческая цивилизация осуществила глубинный переход от ручного (мануфактурного) труда к машинному (фабричному) производству, от преимущественно аграрного к промышленному производству, что означало ее трансформацию в индустриальное общество. В основе этих глобальных преобразований лежали не только технологические новшества (паровой двигатель, прядильные, токарные, фрезерные и т.п. станки, использование каменноугольного кокса, появление железных дорог, уличного освещения, развитие химической промышленности и т.д.), но изменения в сути социально-экономических отношений (формирование институтов защиты частной собственности; появление независимой и эффективной судебной системы; развитие торговли, в том числе формирование рынка земли; повсеместное применение наемного труда; развитие финансовых рынков; использование элементов протекционизма; борьба с монополиями и обеспечение реальной свободы предпринимательства и т.д.)³.

¹ Подробнее см.: *Вайнан В. А.* Теория справедливости: право и экономика: монография. М.: Юстицинформ, 2017. С. 126.

² См.: *Тимошина Т. М.* Экономическая история зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. проф. М. Н. Чепурина. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2016. С. 113.

³ *Хикс Дж.* Теория экономической истории. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2003. С. 184–188; *Hicks J. A Theory of Economic History.* Oxford: Clarendon Press, 1969. P. 145–166; *Wallerstein I.* The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. New York – London: ACADEMIC PRESS,

Последствием революционных изменений в способе производства стало утверждение капитализма в качестве господствующей экономической системы на Земле. Усовершенствованные экономические отношения стали восприниматься как естественные, социально справедливые, обеспечивающие прогресс в развитии человечества.

Вторая промышленная (технологическая) революция (конец XIX и начало XX в.) была вызвана появлением электричества, развитием связи, внедрением высококачественного способа выплавки стали, распространением конвейерного производства. Революция повлекла за собой новую глобальную трансформацию мировой промышленности, бурный экономический рост на основе резкого повышения производительности труда и падения цен на массовые товары¹. В то же время ярко проявились отрицательные черты рыночной экономики — рост безработицы и усиление социального расслоения. Тем не менее колоссальное увеличение масштабов производства, урбанизация, появление многочисленного среднего класса, облегчение и улучшение условий труда большинством населения воспринимались как социально справедливый вектор развития.

Третья промышленная революция, по мнению многих исследователей, зародилась в середине 60-х годов прошлого века с появлением полупроводников, персональных компьютеров и сети «Интернет». Рассматриваемый период характеризовался и снижением давления государства на экономику, отмечает А. Е. Молотников и делает важный вывод: «...в процессе Третьей промышленной революции происходило ослабление роли государства в сфере регулирования субъектов предпринимательской деятельности, а также в отношении рынка ценных бумаг»².

Исследователи спорят, можно ли считать Третью промышленную революцию отдельным этапом в развитии человечества либо она, по сути, сливается с промышленной революцией, которую ныне принято считать «приближающейся», «прогнозируемой», «грядущей» **Четвертой промышленной революцией**, или «Индустрией 4.0»³.

1980. P. 233, 266; Hill C. Reformation to Industrial Revolution. A Social and Economic History of Britain, 1530–1780. Bristol, 1967. P. 139, 179; Тимошина Т. М. Указ. соч. С. 113–379.

¹ Концепция второй промышленной революции была предложена британским социологом Патриком Геддесом в 1915 г., а в 1970-х годах введена в широкое употребление американским экономистом Дэвидом Лэндисом. (См.: Hull J. The Second Industrial Revolution: The History of a Concept // Storia Della Storiografia. 1999. Issue 36. P. 81–90.)

² Молотников А. Е. Четвертая промышленная революция и современное осмысление корпоративной формы ведения бизнеса // Предпринимательское право. 2017. № 2. С. 11.

³ См.: Молотников А. Е. Указ. соч. С. 3, 5, 6.

Концептуально в широком перспективном плане Третья промышленная революция (*Third Industrial Revolution – TIR*) описана американским экономистом и экологом Джереми Рифкином, который считает, что на смену традиционным централизованным моделям бизнеса в ближайшие полвека должны прийти новые экономические структуры. Иерархическая организация экономической и политической власти, на которой основывались первая и вторая промышленные революции, по мнению Дж. Рифкина, неминуемо уступит место горизонтальному взаимодействию, когда сотни миллионов людей будут генерировать собственную зеленую энергию дома, в офисах, на производствах и делиться ею друг с другом в «энергетическом Интернете». Его видение Третьей промышленной революции официально принято Европейским сообществом и Китаем и поддержано ООН, делаются попытки реализовывать эту новую экономическую парадигму¹.

Идея Четвертой промышленной революции поддерживается Клаусом Швабом, который выделяет ее отличительные признаки: повсеместное распространение мобильного Интернета, автоматизацию (роботизацию) промышленности и сферы услуг (включая появление искусственного интеллекта и развитие Интернета вещей), взаимопроникновение технологий в сферах физической, биологической и цифровой². Все это неминуемо влечет существенные изменения экономических отношений.

Старый способ производства основывается на отверточном стационарном производстве и соединении деталей вместе, а промышленность при этом представляет собой огромные заводские корпуса и монолитные конструкции, занимающие значительные земельные участки. Теперь же товар может быть сконструирован компьютером, «распечатан» в автоматическом режиме на 3D-принтере и распределен экономическими субъектами, оперирующими в виртуальном пространстве и не имеющими значительных материальных ресурсов или объектов. Новые машины смогут делать из любого материала что угодно и где угодно, а искусственный интеллект будет заменять человека во многих общественных сферах. Такие технологические новации должны изменить весь уклад общественной жизни — от производства товаров до быта и досуга человека. Распространение информационных технологий, их проникновение во все социальные сферы приводят к формированию

¹ См.: Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 410 с.

² См.: Молотников А. Е. Указ. соч. С. 6.

нового общества, которое представляет собой сложно организованные сетевые структуры. При этом бывшие линейными взаимодействия между участниками трансформируются в сетевые потоки («непрерывно текущее пространство потоков», согласно М. Кастельсу)¹.

Цифровая экономика изменит политические и общественные институты и принципы их функционирования, экономическую структуру общества, рынок труда и среду обитания человека. Эти зарождающиеся производственные отношения представляются социально справедливыми, адекватными новому уровню развития человека, нацеленными на создание для него лучших условий труда и отдыха. Соответственно, они требуют соответствующего изменения правового регулирования, его адаптации к возникающим новым экономическим отношениям, надлежащего их оформления, синхронизации с новой цифровой экономикой.

В качестве политической реакции нашего государства на изменяющиеся экономические отношения явилось принятие программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р). Программа была нацелена на реализацию государственной политики по созданию необходимых условий для развития цифровой экономики России. Правительство РФ «уловило» необходимость правового обеспечения зарождающейся экосистемы цифровой экономики России, в которой возможно обеспечить эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан. Такой вектор изменений в правовом регулировании следует оценить как социально справедливый, отвечающий коренным интересам российского общества.

В развитие основных идей утратившей силу программы «Цифровая экономика» президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16) был утвержден Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», который содержит специальный федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды». Новый стратегический документ нацеливает общество и органы власти на получение уникальных результатов по развитию цифровой экономики в условиях временных и ресурсных

---

¹ См.: *Поспелова Т. В., Корнев Д. А.* Индустрия 4.0: а есть ли место для России? // Международный проект «Сноб». URL: https://snob.ru/profile/28549/blog/109523#comment_829501 (дата обращения: 15.06.2019).

ограничений. Усилиями органов власти, бизнеса и научного сообщества планируется создание новой системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на гибком подходе к каждой сфере, развитие гражданского оборота на базе цифровых технологий.

Основные уровни цифровой экономики и нормативное регулирование

Цифровая экономика формируется на трех уровнях, которые в своем тесном взаимодействии влияют на жизнь граждан и общества в целом и требуют структурирования в правовом регулировании:

– **рынки и отрасли экономики** (традиционные сферы деятельности), где осуществляется *непосредственное взаимодействие конкретных субъектов* (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг);

– **платформы и технологии**, где *формируются компетенции* для развития рынков и отраслей экономики (сфер деятельности);

– **среда**, которая создает *условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов* рынков и отраслей экономики и охватывает **нормативное регулирование**, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность.

Развитие цифровых платформ, технологий и среды, по всей видимости, будет размывать традиционное функционирование аналоговых материалоемких рынков и отраслей экономики и в целом радикально менять основы жизнедеятельности человека, что повлечет существенные изменения и в правовом регулировании экономических отношений.

В связи с тем, что эффективная деятельность рынков и отраслей в цифровой экономике возможна только при наличии развитых платформ, технологий, институциональной и инфраструктурной сред, принятая программа развития цифровой экономики сфокусирована на двух ее нижних уровнях путем развития пяти базовых направлений: (1) *нормативное регулирование*, (2) *кадры и образование*, (3) *формирование исследовательских компетенций и технических заделов*, (4) *информационная инфраструктура* и (5) *информационная безопасность*.

В рамках этих направлений определены **цели и задачи развития**:

– **ключевых институтов**, на основе которых создаются условия для развития цифровой экономики (нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технологических заделов);

– **основных инфраструктурных элементов** цифровой экономики (информационная инфраструктура, информационная безопасность).

Создание новой регуляторной среды для цифровой экономики

Основной целью нормативного регулирования является формирование **новой регуляторной среды**, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием в цифровой экономике. Все это потребует не только точечных изменений в отдельных нормативных правовых актах (далее – НПА), но прежде всего системных поправок в базовые отраслевые законы – Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ), Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) и др.

Приоритетными *сквозными цифровыми технологиями*, которые требуют нового нормативного правового регулирования, являются такие недавно возникшие явления экономической жизни, как: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра (блокчейн); квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный Интернет; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи (в том числе сети связи пятого поколения, без которых, например, невозможно создание беспилотного транспорта); технологии виртуальной и дополненной реальностей.

Создание и развитие новой правовой среды для цифровой экономики требуют формулирования современных концептуальных подходов к формированию целостной системы прайворчества, основанной на необходимости:

(а) постоянного мониторинга и контроля за нормативной правовой базой с целью оперативного реагирования на быстро меняющуюся цифровую среду;

(б) внесения системных поправок в базовые законодательные акты с целью снятия ключевых юридических ограничений для развития цифровой экономики и создания комплексной системы ее правового регулирования на основе специфических «цифровых» принципов;

(в) закрепления в правовой системе специальных правовых институтов и механизмов, стимулирующих использование в предпринимательской деятельности современных технологий и данных в цифровой форме;

(г) обеспечения гармонизации национального законодательства с международными и иностранными нормами в сфере цифровой экономики, а также его разумной интеграции в мировой «цифровой» правопорядок.

Исследуем некоторые концептуальные направления необходимой адаптации российской правовой системы к новым цифровым экономическим реалиям.

1. Развитие цифровой экономики неизбежно затронет правовые принципы и потребует переосмысления некоторых доктринальных подходов к традиционным правовым моделям регулирования различных видов экономической деятельности. При этом социально справедливое изменение правового регулирования экономической деятельности должно быть направлено прежде всего на *снятие юридических барьеров*, препятствующих развитию цифровой экономики, а также на синхронизацию правовых норм с технологическими особенностями ее функционирования.

Например, в *области связи* это может выражаться в обеспечении юридической возможности заключения договоров об оказании услуг связи в электронной форме, что будет допускать возникновение обязательств на основе дистанционных действий. Это потребует внесения соответствующих изменений в Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» и различные постановления Правительства РФ об оказании услуг связи. Аналогичным образом путем внесения изменений в Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» можно разрешить страховым агентам и страховым брокерам заключать договоры страхования в электронном виде. В *сфере транспорта* целесообразно обеспечить обязательность указания в электронном паспорте транспортного средства сведений о его собственнике и информации о наложении обременения хотя бы одной из сторон договора залога, что предполагает изменения в ГК РФ. Такие сведения будут закладываться в систему распределенных реестров и способствовать прозрачности совершаемых сделок.

2. Формирующиеся цифровые экономические отношения требуют закрепления в праве адекватных правовых *понятий и институтов*, обеспечивающих современный цифровой гражданский оборот и определяющих в том числе принципы безбумажного взаимодействия, использования электронного документа, электронного дубликата документа, электронного архива и т.п.

В юридической среде активно обсуждаются законопроекты о внесении изменений в ГК РФ в целях создания основ правового регулиро-

вания новых цифровых технологий. Так, П. В. Крашенинников предлагает закрепить в ГК РФ положения, направленные на регулирование рынка новых цифровых объектов (токенов, криптовалюты и т.п.). Действительно, новые цифровые объекты российским законодателем не признаются. Поэтому нельзя юридически влиять на оборот этих активов и эффективно защищать права лиц, которые ими оперируют. Суды столкнулись с невозможностью полноценного разрешения подобных дел на основе действующего законодательства.

С другой стороны, группа депутатов (А. Г. Аксаков и др.) внесла проект федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». В нем предлагается определить понятия наиболее распространенных финансовых активов, создаваемых с использованием цифровых технологий, закрепить в законодательстве такие новые явления, как «цифровой финансовый актив», «цифровая транзакция», «распределенный реестр цифровых транзакций», «майнинг», «криптовалюта», «токен», «смарт-контракт», «цифровой кошелек» и т.д.

Вместе с тем попытки поспешного урегулирования новых экономических явлений чреваты опасностями. Большинство экспертов склоняются к тому, что в настоящее время невозможно разработать системный федеральный закон, обеспечивающий полноценную основу для всестороннего регулирования новых цифровых отношений. В то же время нельзя уводить регулирование и на подзаконный уровень. Поэтому правильнее основные понятия цифровой среды, затрагивающие права граждан, урегулировать на уровне рамочного федерального закона, который будет предусматривать внесение точечных изменений в отдельные законы. А детали регулирования следует оставить на уровне подзаконных актов.

При этом ряд специалистов выступает против поправок в ГК РФ в части базовых определений и объектов гражданский прав (ст. 128), поскольку это может нарушить стабильность гражданского оборота. Так, Е. А. Суханов полагает, что в настоящее время ГК РФ в своих базовых определениях, в том числе в сфере объектов гражданских прав, в полной мере обеспечивает основы регулирования для цифровой среды, и его лучше не трогать.

Не удивительно, что два упомянутых законопроекта уже на начальной стадии противоречат друг другу в сущностных подходах.

П. В. Крашенинников предложил ввести в ст. 128 ГК РФ новый объект гражданского права – понятие «цифровые права», под которыми признаются цифровой код или обозначение как совокупность электронных данных. В новой редакции ст. 128 ГК РФ эти объекты

(«цифровые права») теперь отнесены к категории имущественных прав. Вместе с тем сложно понять, как цифровой код может быть отнесен к категории имущественного права, не являясь по своей сути правовым требованием, которое могло бы обращаться в гражданском обороте как разновидность прав.

Именно поэтому А. Г. Аксаков предлагает иной термин — «цифровой финансовый актив» как *имущество в электронной форме*, что, как мы понимаем, не относится к категории имущественных прав.

Иными словами, мы видим, что цифровые активы (Интернет-активы) — это уже не только файлы, не только различные данные и это совсем не права, это, по сути, некие полноценные виртуальные объекты (условно «виртуальные вещи»), которые нужно вписать в правовую систему, включить в гражданский оборот и обеспечить защиту прав на них, в том числе, возможно, с помощью виндикационных исков. И с учетом этих потребностей представляется ошибочной ориентация на так называемый информационный подход к определению новых цифровых объектов, поскольку в этом случае в сферу правового регулирования не попадут такие активы, как виртуальные бонусы, виртуальные предметы в сетевых играх и т.п.

Необходимы изменения в ГК РФ в части *определения совершаемых в электронной форме сделок* в целях обеспечения эффективного электронного гражданского оборота, соблюдения баланса прав и обязанностей сторон договора, защиты более слабой стороны. В целях закрепления возможности совершения сделок в электронной форме требуются уточнение и определение новых форм сделок (например, *сделка в электронной форме*); требований к содержанию и форме цифровой оферты и акцепта; требований к публичным офертам, договорам присоединения, примерным условиям договоров; общих требований к форме и моменту заключения договора и соответствующих требований к отдельным видам договоров, связанных с особенностями цифровых отношений; критериев квалификации в качестве оферты или акцепта действий продавца и покупателя при электронной торговле. Работа по совершенствованию законодательства неизбежно приведет к выявлению, формулированию и закреплению и иных новых правовых институтов и требований к ним в электронном гражданском обороте.

Потребуется изменения в ГК РФ в части определения автоматизированных договоров как формы исполнения обязательства. Такие договоры заключаются, например, на цифровом рынке при ведении алгоритмической торговли. Возможно закрепление или расшифровка

понятия «умные контракты» в ст. 327.1 ГК РФ в целях создания правовой возможности исполнения обязательств без дополнительной воли должника. Указанная статья допускает, что осуществление, изменение и прекращение определенных прав по договорному обязательству может быть обусловлено наступлением обстоятельств, полностью зависящих от воли только одной из сторон.

В части использования типовых договоров возникает потребность в применении их цифровых форм как в полном объеме, так и частично (по аналогии с Инкотермс), что предполагает создание подобной базы договоров (примерных условий договоров). Соответственно, законодательство должно допускать возможность использования в предпринимательской сфере рекомендуемых типовых договоров (примерных условий договоров), применяемых контрагентами в электронном виде.

Весьма перспективным представляется *введение режима электронного (цифрового) резидентства юридических лиц*¹. Это предполагает переход от регистрации организаций в уведомительной электронной форме через портал «Госуслуги» к альтернативному формату электронного (цифрового) резидентства для организаций, включая возможность дистанционного создания и управления юридическим лицом. И, что пока совсем необычно, особенно для российских налоговых органов, необходимо определить случаи, при которых допускается замена «физического» адреса организации виртуальным (так называемым *цифровым офисом*). Конечно, для этого потребуются поменять традиционные представления о месте нахождения юридического лица с внесением соответствующих поправок в ГК РФ.

В предпринимательском обороте необходимо обеспечить во всех возможных случаях переход на оформление документов в электронной форме, например документов, опосредующих перевозку, прием и передачу товаров и т.п.

---

¹ Например, Эстония еще в 2014 г. ввела институт цифрового (электронного или виртуального) резидентства (*E-residency*). Эта программа дает возможность гражданам иных стран вести финансовую и хозяйственную деятельность на территории Эстонии, физически не находясь в этой стране. Такое лицо после прохождения процедуры идентификации и предоставления биометрических данных получает аналог эстонской ID-карты с электронным чипом и имеет право ставить на документах электронную подпись, признаваемую органами власти Эстонии, банками и т.д. *E-резидент* может в течение одного дня зарегистрировать юридическое лицо в Интернете, управлять им онлайн из любой точки мира, пользоваться услугами электронного банкинга, декларировать налоги, заключать контракты в Интернете с использованием цифровой подписи и т.п. (Сайт «Эмиграция в Эстонию». URL: <http://migratetoestonia.com/e-residency-elektronnoe-grazhdanstvo-estonii/> (дата обращения: 15.06.2019)).

3. Новая регуляторная среда должна быть нацелена на создание правовых условий для формирования *единой цифровой среды доверия*, позволяющей обеспечить субъектов предпринимательской деятельности в сфере цифровой экономики средствами доверенных цифровых дистанционных коммуникаций на основе принципов удаленной идентификации субъектов для совершения юридически значимых действий, равного правового статуса для различных способов идентификации участников цифровых правоотношений, уравнивания бумажного и цифрового документооборота.

Формирование цифровой среды доверия требует существенных изменений правового регулирования в сфере *идентификации субъектов правоотношений*.

В этой части необходима корректировка федеральных законов от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и иных НПА в части унификации требований по идентификации, расширения возможностей и способов идентификации.

Законодательство должно обеспечивать возможность идентификации и аутентификации субъектов любым технически возможным способом, в том числе: (мобильной) электронной подписью; биометрическими данными (электронной биометрической подписью); абонентским номером клиента — физического лица, пользующегося услугами подвижной радиотелефонной связи; совершением действий, однозначно идентифицирующих лицо и позволяющих достоверно установить его волеизъявление на совершение действий, и т.п. На этой основе допустимо также урегулировать статус электронных документов, подписанных аналогом собственноручной подписи клиента на электронном планшете или ином электронном гаджете. Соответственно, возникает потребность в определении таких понятий, как «доверенная третья сторона», «облачная электронная подпись», «способы идентификации» и т.п., а также в формулировании правил работы с ними.

Формирование цифровой среды доверия требует также изменений правовых подходов к *идентификации объектов правоотношений*.

Необходима разработка отдельных правил идентификации оборудования, средств связи, роботов и иных машин, функционирующих в рамках развивающегося Интернета вещей. Например, необходи-

ма более четкая идентификация различных устройств при оказании услуг связи, что требует внесения изменений в Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи». Также возникла потребность в установлении юридических механизмов единой электронной идентификации транспортных средств, например, для целей автоматизированного взимания платы за проезд по платным автомобильным дорогам. Это предполагает внесение изменений в Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В контексте создания цифровой среды доверия важной является *дискуссия о правовом статусе роботов и в целом машин с искусственным интеллектом*, которая набирает обороты и становится все более острой. В сложившейся системе правоотношений естественным выглядит вывод о том, что роботы и иные машины являются объектами правоотношений и не могут быть самостоятельными субъектами права, поскольку право регулирует общественные отношения между людьми как биологическими существами. Пока сложно представить, что машина с искусственным интеллектом может самостоятельно, «лично» вступать в правоотношения и быть субъектом ответственности. В данном ракурсе подобные искусственные интеллектуальные машины как объекты права могут быть определены в качестве особого вида имущества или специального устройства, действующего от своего имени или от имени владельца.

Вместе с тем нет и особых правовых препятствий для законодательного наделения роботов правами и обязанностями субъектов различных правоотношений. В начале 2017 г. в Бельгии робот по имени Фрэн Пеппер (*Pepper* — название серии роботов) стал первым в мире гуманоидом, которого официально включили в реестр населения. А недавно человекоподобный робот София получил гражданство в Саудовской Аравии. Роботы могут наделяться статусом субъекта или квазисубъекта права, например, по аналогии с животными, юридическими лицами или людьми.

Конечно, наделение роботов статусом субъектов правоотношений на уровне людей потребует радикального изменения наших представлений о праве в условиях существования искусственного разума. Но в какой-то мере это технический вопрос. А есть более глубинная, сущностная проблема. Во избежание негативных последствий для человечества необходимо сначала разрешить этические и философские вопросы о месте искусственного интеллекта в рамках существующей

человеческой цивилизации, чтобы не оказаться в какой-то момент лишними на Земле. Использование роботов не должно нарушать общечеловеческие принципы морали, причинять вред людям и окружающей среде как прямо, так и опосредованно, путем влияния на их благосостояние, экономические и трудовые отношения.

Возможны различные варианты правового регулирования статуса машин с искусственным интеллектом. Признавая недееспособность машин, их сущностное отличие от человека, можно в принципе не допускать на законодательном уровне придания им статуса граждан, т.е. лиц, наделенных личными конституционными правами и обязанностями. В этом случае за функционирование таких объектов должны отвечать создавшие их лица либо субъекты, владеющие и управляющие машинами. В то же время, по аналогии с юридическими лицами, машины с искусственным интеллектом могли бы быть при определенных условиях наделены ограниченной правосубъектностью. И только в далекой перспективе возможно признание таких субъектов полноправными членами человеческого общества.

4. В предпринимательской сфере необходимо сформировать современные благоприятные правовые условия *для сбора, хранения и обработки данных в цифровой форме*. Это потребует как внесения системных изменений в действующие НПА (ГК РФ, федеральные законы от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации), от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и т.д.), так и принятия новых актов, создающих такие условия. Особое внимание должно уделяться правовому обеспечению безбарьерного использования новых цифровых технологий с учетом специфики технологического взаимодействия в цифровых отношениях, конечно, при условии защиты прав и законных интересов субъектов и владельцев данных. Концептуальные изменения в этой части могут развиваться по следующим основным направлениям.

А. Необходимы системные изменения в правовом регулировании деятельности по сбору, передаче, хранению, обработке и доступу к данным, *генерируемым с помощью современных цифровых технологий, в том числе больших массивов данных*.

Б. Требуется создание правовой основы для регулирования деятельности с *использованием робототехники и инструментов искусственного интеллекта*. В этой части специалистами предлагается принятие федерального закона *о робототехнике и киберфизических системах* (далее — КФС), а также внесение необходимых изменений в ГК РФ и иные акты в части определения понятия КФС, порядка ввода их

в эксплуатацию и гражданский оборот, ответственности за нарушения при использовании таких систем.

Особое внимание уже сейчас нужно обратить на развитие положений Воздушного кодекса Российской Федерации и иных актов в части регулирования *использования беспилотных летательных аппаратов*, в том числе на возможность уменьшения количества различных разрешений и лицензий, установления принципа «одного окна» при получении необходимых разрешительных документов.

Предлагается принятие федерального закона об использовании *высокоавтоматизированных (беспилотных) автомобилей*, устанавливающего основы правового регулирования отношений в сфере беспилотного автомобильного транспорта, а также налоговые и иные льготы в целях развития этого направления.

В. Требуется законодательное закрепление новых *стандартов раскрытия информации*, в том числе органами государственного управления. Развитие цифровой экономики, возможно, потребует *пересмотра принципов защиты различных видов тайны*. Это обусловлено необходимостью уточнения порядка передачи третьим лицам сведений, составляющих банковскую тайну, тайну связи, врачебную тайну и т.п., с согласия профессиональных субъектов в целях обеспечения возможности обработки накопленных данных для достижения социальных, государственных и экономических целей.

Специалистами обращается внимание на проблемы в использовании усиленной квалифицированной электронной подписи при подаче электронных заявок на регистрацию объектов интеллектуальной собственности (требование постановления Правительства РФ от 25.06.2012 № 634 «О видах электронной подписи, использование которых допускается при обращении за получением государственных и муниципальных услуг»). Именно поэтому «Роспатент, презюмируя добросовестное поведение лица, подающего заявку, полагает целесообразным внесение в законодательные акты об электронной подписи изменений, которые предусматривали бы использование лишь простой электронной подписи. Это нововведение позволит исключить необходимость технически сложной для пользователей государственных услуг установки и настройки сертификатов проверки электронной подписи и существенно увеличит количество заявок, поданных в электронном виде»¹.

---

¹ *Ивлиев Г. П.* Принцип добросовестности в деятельности Федеральной службы по интеллектуальной собственности // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 56–62.